

7. Хелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение) – СПб. : Питер Ком., 1999. – 608 с.
8. Юнг К. Г. Избранное / Пер. с нем. Е. Б. Глушак, Г. А. Бутузов и др. ; Отв. ред. С. П. Удовик. – Мн. : ООО «Попурри», 1998. – 437 с.
9. Юнг К. Психология бессознательного. – М. : Наука, 1994. – 320 с.
10. Юнг К. Сознание и бессознательное. – СПб. – М. : Университетская книга, 1997. – 544 с.
11. Ярошевский М. Г. История психологии. – 3-е изд., дораб. – М. : Мысль, 1985. – 575 с.
12. Яценко Т. С. Активная социально-психологическая подготовка учителя к общению с учащимися. – К. : Освіта, 1993. – 208 с.
13. Яценко Т. С. Психологічні основи групової психокорекції. – К. : Либідь, 96. – 264 с.
14. Яценко Т. С., Кмит Я. М., Мошенская Л. В. Психоаналитическая интерпретация комплекса тематических психорисунков (глубиннопсихологический аспект). – М. : СИПРИА, 2000. – 230 с.

Резюме. У статті розглядається питання про поняття несвідомого, основні архетипи, їх тлумачення у науково-психологічній літературі.

Ключові слова: несвідоме, колективне несвідоме, цілісна психіка, архетипи.

Резюме. В статье рассматривается вопрос о понятии бессознательного, основные архетипы, их трактовка в научно-психологической литературе.

Ключевые слова: бессознательное, коллективное бессознательное, целостная психика, архетипы.

© 2013

А. С. Гришкан (г. Киев)

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И ГЛУБИННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Постановка проблемы. Развитие новой науки можно сравнить с ранним развитием человека: молодая наука так же, как и ребенок, скорее интересуется окружающим миром, чем самой собой, скорее поглощена усилиями познать внешние предметы, нежели вопросами саморефлексии. Наука поднимает вопросы: «Что есть я? Откуда мои истоки?», которые так же неизбежны, как вопросы ребенка к себе о собственном происхождении.

Мы не станем затрагивать историческое происхождение психоанализа или науки в целом – для такого исследования потребовалось бы покинуть границы психоанализа, – важно познать истоки науки и научного познания в ином, не историческом, но в психологическом смысле.

Изложение материала. Феномен современной западной цивилизации тесно связан с техническим прогрессом и прогрессом научного знания. Последние имеют для человечества не только положительную сторону, но и таит в себе большую опасность. Поэтому исследования в этой области, ведущие к осознанию бессознательных источников научного знания, могут способствовать вкладу в профилактику агрессивных импульсов, которые могут стоить человечеству жизни. Ведь история 20 века показала, что человечество на пике своего технического прогресса напоминает невротика пограничной организации, держащего в руках заряженное огнестрельное оружие. Психоанализ, будучи фундаментальной наукой, предприняв такое исследование, на деле исследует не что иное, как собственный фундамент, а лучше поняв, сможет укрепить его, и таким образом с большей уверенностью избежать судьбы колосса на глиняных ногах.

Экономический аспект процесса научного познания. Наука, будучи частью культуры, есть порождение человеческой психики, поэтому психоаналитические исследования в этой области более, чем возможны. Простое заключение, что «наука есть сублимированное сексуальное влечение», само по себе мало удовлетворимо, потому что оно нисколько не проливает свет на многообразное содержание самой науки. Ограничиться таким заключением – это все равно что, задавшись вопросом «Что есть компьютер?», удовлетвориться ответом: «Это то, что работает благодаря электроэнергии».

Наука – настолько сложное и масштабное культурное образование, что на него действительно было затрачено много жизненной энергии, то есть либидо. Причем, поскольку абстрактное «научное знание» складывается из индивидуальных научных открытий, каждого отдельного исследователя, то речь идет прежде всего о либидинозных затратах как раз этого последнего. Кроме того, понимая, что «научное знание» – это не просто «склад с вещами», куда каждый привнес, что смог – это еще и некоторое живое образование, которое для своего сохранения и дальнейшего существования также нуждается в либидинозных затратах. Причем речь идет не только о требуемых затратах, для сохранения научных трудов на физических носителях (скажем, в напечатанном или электронном виде), но прежде всего о живых, психических носителях научного знания. Р. Бредбери в своем романе «451 градус по Фаренгейту» обрисовал мир, в котором физические носители, в частности книги, уничтожались – и потому люди впитали знания в себя, намереваясь таким образом передать их

будущим поколениям. В наш технический век это не кажется таким уж удачным решением – не лучше ли было бы перевести знание на электронные носители и прятать их где-нибудь в лесах, ведь память человека отнюдь не непогрешима, и разве не исказится, не потеряется все это знание в конце концов? Р. Бредбери писал, как он сам говорит, не о будущем, а о настоящем или скорее даже – о непреходящем. Дело в том, что не смотря на физические носители, знание от поколения к поколению может передаваться только посредством живых людей. А это значит, что энергетические затраты, которые тратятся на передачу знаний в будущее, не ограничиваются печатью одной-двух книг (что сравнительно недорого), но включают в себя воспитание и обучение, например, профессора кафедры теоретической физики, со всеми либидинозными затратами его самого, его родителей и его учителей. И эти либидинозные затраты вряд ли могут быть уменьшены со временем, они являются необходимым условием для сохранения научного знания и, следовательно, для его прогресса [3].

Как было уже сказано, одной экономической точки зрения недостаточно для понимания происхождения и содержания самой науки, а именно последнее является наиболее важным, что требует продолжения исследования процесса научного познания.

Научное познание и бессознательное. Процесс научного познания схож с психоанализом и с самоанализом. Первым важным фактом является тот, что многие ученые, которые рефлексировали процесс собственного научного творчества, часто отмечали, что процесс этот не происходит постепенно и непрерывно, благодаря лишь сознательному усилию, но скорее наоборот – рывками. В психоанализе также процесс скорее идет скачкообразно, нежели непрерывно, и эти скачки, во многом играющие центральную роль в психоаналитической терапии, мы называем «инсайтами» и характеризуем некоторым просветлением, четким внезапным пониманием, осознанием неосознанного материала. В научном творчестве мы наблюдаем аналогичный феномен. Свидетельств этого достаточно много.

В начале 19 столетия французский врач Р. Лаэннек, прогуливаясь, проходил по двору Лувра и случайно увидел двух играющих мальчишек: один из них царапал булавкой по поверхности бревна, а другой, приложив ухо к противоположному торцу, слушал. В этот момент у господина Лаэннека родилась идея стетоскопа. Другой пример, еще более характерный, рассказывает знаменитый математик Пуанкаре. Потратив не один час на решение одной математической проблемы, как казалось, тщетно, он отложил ее в сторону и предпринял участие в одной геологической экспедиции. Пребывая с друзьями и в перипетиях поездки, у него меньше всего было времени для размышлений над математикой. И все же решение интересовавшей его проблемы возникло внезапно в его голове как раз в тот момент, когда он заносил ногу на ступеньку омнибуса. Не в последнюю очередь можно вспомнить и самого З. Фрейда, чье «озарение, выпадающее на долю человека, но только раз в жизни» застало последнего прямо в ресторане «Бельвью», в одном из венских пригородов. Самому З. Фрейду в тот момент это озарение показалась настолько ценным, что он написал Флиссу, что когда-нибудь в том месте поставят табличку с надписью: «Именно в этом доме, 24 июня 1895 года, доктору З. Фрейду открылась тайна сновидений» [3].

Подобные переживания легли в основание легенд о великих ученых, например Архимеде, которому идея вычислить объем неправильного тела при помощи воды, пришла в тот момент, когда он сам принимал ванную и результатом озарения стало легендарное восклицание «Эврика!». Также легко припомнить легенду об упавшем на голову Ньютона яблоке, послужившим толчком для создания теории тяготения. Даже при условии, что эти рассказы исторически неверны, они все же весьма точно описывают этот феномен. Так, история с Архимедом подчеркивает энтузиазм и воодушевление, которое завладевает ученым в момент творчества, а легенда о яблоке – внезапность озарения, когда сознание, за секунду до того, как озарение случится, еще ничего об этом не знает.

Если вспомнить, в дополнение ко всему предыдущему, впечатляющие примеры химиков Д. И. Менделеева и Ф. Кекуле, некоторые открытия которых (в частности, периодическая таблица элементов и структура молекулы бензола) произошли при посредстве сновидения, то факт, что научное познание тесно связано с бессознательной деятельностью, является совершенно очевидным.

Особенно ярко эту связь с бессознательным можно увидеть в сопоставлении эвристического метода обучения, который до сих пор успешно используется, и психоаналитического метода. В обоих случаях и ученику, и анализанду не открывают истину в готовом виде, но лишь намекают на нее, рассчитывая, что тот сможет дойти до нее сам. В обоих случаях и аналитик, и учитель скорее используют вопросы, нежели утверждения. У ученика и анализанда при удачном исходе происходит вышеописанное озарение и ощущения постигнутой Истины. И в первом, и втором случае, по меткому выражению Сократа, и учитель, и психоаналитик являются «повивальной бабкой» Истины, рождающейся из бессознательного их собеседника. Единственной существенной разницей для этих методов является то, что Истина познанная учеником при применении эвристического метода – всеобщая, объективная. Истина же, осознанная в психоанализе – личная, субъективная. С этим и связано другое, бросающееся в глаза отличие: учитель, как правило, знает заранее Истину, к которой хочет привести ученика, а психоаналитик, разумеется, заранее субъективную Истину анализанта знать не может. Но такая явная связь

научного познания с бессознательным требует более глубокого анализа. Поэтому для дальнейшего детального изучения мы разобьем все науки на разделы и исследуем каждый из них по отдельности. Удачным, на наш взгляд, будет разделение всех наук на так называемые априорные науки (то есть те, которые развиваются без участия опыта наших органов чувств – логика и математика) и эмпирические науки (то есть те, которые развиваются при посредстве опыта – все остальные естественные и гуманитарные науки).

Примером априорных наук есть логика и математика. Что касается логики, понимаемой как наука о правильной форме мышления, то ее происхождение мы видим в устройстве сознания. Ведь фактически главной характеристикой последнего является то, что Фрейд назвал вторичным процессом, состоящем в господстве логических законов. Хотя уточнение и детальный разбор законов логического мышления продолжается по мере дальнейшей дифференциации сознания, но мы никак не можем найти в последнем той глубины и тех резервов, которые необходимы для развития науки в ее освоении новых территорий. Поэтому логика, по-видимому, единственная наука, которая предстает нам по большей части в завершенном и законченном виде. И в то же время она становится основой той формы, в которую будут кристаллизоваться и все остальные науки.

Что касается математики, то первое что бросается в глаза – это то, что она, будучи априорной наукой, развивается и по сей день, все еще продолжая открывать новое. Поскольку это новое приходит не из эмпирического опыта, а из сознания, оно не может быть постоянным источником нового. Таким образом, совершенно очевидно, что свои открытия математика черпает из бессознательного.

Пуанкаре [2], занимавшийся проблемами математического творчества, отмечал три его этапа. Первый этап – сознательный, когда человек предпринимает усилия решить задачу, но не может разрешить ее. Этот этап характеризуется серьезными усилиями и интересом к задаче, то есть можно говорить о весьма существенных либидинозных инвестициях. Следующим этапом он называет этап бессознательной деятельности, которая заканчивается озарением – вроде того, что он испытал на подножке омнибуса. И третий этап – это этап снова уже сознательный, в котором речь идет об уже окончательном оформлении доказательств и проведение устойчивых логических связей между открытыми частями. Пуанкаре также подчеркивает, что подобного рода механизм работает не только в частных случаях, уже упомянутых, но во всех, даже прозаичных на первый взгляд (решение задач на уроке математики). Единственно, что озарения эти менее яркие и встречаются несколько раз за время решения одной и той же задачи, а «инкубационный» период бессознательной работы очень короток. Но этапы эти, однако, налицо в каждом конкретном случае и каждый может в этом убедиться на собственном опыте. Математическое творчество он называет «реализацией выбора одного варианта из множества возможных», но при этом речь идет не о переборе вариантов (что физически невозможно для человека), но об интуитивном отборе при посредстве бессознательного. Пуанкаре сравнивает такого рода работу сознания с экзаменатором второй ступени, который имеет дело только с кандидатами, уже прошедшими первое испытание. Продолжая эту метафору, мы можем дополнить, что экзаменатором первой ступени является бессознательное исследователя.

Следует отметить, что именно математика как наука априорная послужила наглядной иллюстрацией для утверждения Платоном, что любым знанием мы уже обладаем, но, изучая что-нибудь, мы только лишь вспоминаем его. Так, например, глядя на два равных бревна, мы приходим к идее равенства. То, что понятие равных бревен и идея равенства – не одно и то же – более-менее ясно. Но откуда же взялась тогда эта идея? Платон утверждает, что подобно тому, как глядя на флейту мы вспоминаем о музыканте, который на ней играл, так же, глядя на равные бревна, мы вспоминаем об идее равенства. Это очень существенное наблюдение в том смысле, что научное, и, в частности, математическое творчество происходит по цепочкам ассоциаций, уходящим в глубину бессознательного. Всеобщность идей, которые отыскиваются в результате математических открытий в области человеческого бессознательного, говорит о том, что его источником никак не может быть личное бессознательное (в личном опыте индивида нет и не может быть таких знаний), а значит, искать его следует глубже – в слоях коллективного бессознательного, которые, в свою очередь, совершенно не случайно также обладают свойством всеобщности.

Эмпирические науки, в отличие от наук априорных, на первый взгляд имеют вполне очевидные источники – опыт, полученный в результате органов чувств. И если в априорных науках их связь с коллективным бессознательным очевидна, то в эмпирических науках, на первый взгляд, сомнительно было бы утверждать о существовании какого-то иного источника, кроме органов чувств. И тем не менее, многие из вышеприведенных открытий с явным участием бессознательного были сделаны именно в науках эмпирических. И отличие в этом отношении эмпирических наук от априорных не так велико, как кажется. И чтобы это продемонстрировать, важно присмотреться к процессу познания эмпирической науки, подобно тому, как прежде мы рассматривали процесс познания науки априорной.

Первым этапом исследователя является сбор эмпирического материала, полученного посредством органов чувств. Само по себе это не делает еще исследователя исследователем, ему требуется вывести еще некоторый закон, который объединял бы все полученные им данные. С ним происходит подобное же

напряжение, как это происходило бы и с математиком в аналогичной ситуации, и, наконец, рождается воображаемый образ, который связывает все эти факты воедино. Затем исследователь, схватывая этот образ, пытается зафиксировать его в словах, а еще лучше – в формулах, то есть в символической форме. Уже после этого происходит верификация открытого закона посредством экспериментов, которые должны подтвердить, что закон этот верен. В подтверждение того, что открытия эмпирической науки происходят всегда при посредстве воображения, можно привести множество примеров. Так, открытие Коперника о том, что не Солнце вращается вокруг Земли, но наоборот, Земля вокруг Солнца – это прежде всего был образ, а уже потом его оформленная аргументация и доказательства. Научная гипотеза о неделимых частицах – атомах – так же изначально была воображаемым образом, который не является естественным следствием нашего восприятия действительности. И более того, впервые в истории человечества этот образ возник у Демокрита, то есть в те времена, когда никаких эмпирических данных для оправданности такой гипотезы еще не было. Следовательно, без спонтанного рождения воображаемого образа, нельзя было бы вообще никак связать отдельные эмпирические факты. При этом ясно, что фантазии эти, которые рождаются в связи с задачей связать воедино разрозненные эмпирические факты, нельзя вывести из одних только этих фактов. Научное творчество эмпирических наук можно скорее сравнить с проективными тестами, где эмпирические факты служат лишь стимульным материалом, а все остальное – это уже работа психического. Из этого ясно, что главным источником этих фантазий является как раз бессознательное. С другой стороны понятно, что не все воображаемые образы, которые приходят в голову, оказываются удачными, и все же самые гениальные прозрения действительно поразительным образом попадают в точку и ложатся затем в основу всеобщих законов и научных концепций.

В основе этих фантазий, благодаря которым формулировка всеобщих законов становится возможной, мы можем увидеть также влияние архетипов коллективного бессознательного. И в этом отношении мы можем констатировать, что разница между эмпирическими науками и априорными очень невелика. Разница эта состоит лишь в том, что материал для научного творчества в первом случае проистекает из опыта, а во втором – из самого бессознательного или сознания, но и тот и другой материал оформляется в понятия в нашем сознании, а дальнейшие этапы научного творчества целиком совпадают и протекают при посредстве бессознательной деятельности.

Психоанализ как отрасль научного познания. Психоанализ, будучи, в частности, наукой эмпирической, также имеет свои источники в коллективном бессознательном и также строит свой фундамент на архетипах. Совершенно ясно поэтому, почему возникли многие параллели между мифами и научными психоаналитическими концепциями, как, например, между мифом об Эдипе и эдиповым комплексом или мифом о нарциссе и нарциссизмом. Также показателен упрек, который мог бы быть высказан в адрес юнгианской теории о том, что архетипы содержатся в бессознательном, в то же время сама идея бессознательного, напоминающего безбрежный океан – архетипична, и здесь как будто бы происходит логическая ошибка. На самом деле это не ошибка, а парадокс, который разрешается в результате вышеизложенных соображений. Концепция бессознательного попала к нам прежде всего в качестве лишь образа, полученного нами из нашего бессознательного и следовательно, раз эта концепция имеет научную силу, она сама базируется на архетипической основе. Такие парадоксы неизбежны по той причине, что научное знание и научная истина, которую мы способны осознать и понять, не тождественны истинному положению вещей, а только находятся в некоторой связи с ним.

Выводы. Все науки имеют некоторый исходный материал и выводят некоторые закономерности, его связывающие. Эмпирическая наука получает исходный материал из внешнего мира посредством органов чувств, в то время как априорная наука получает его из мира внутреннего. В обоих случаях материал связывается при помощи фантазии, имеющей архетипическую основу, которая затем закрепляется в символической форме – законах, формулах, словах. Психоанализ, при этом, занимает несколько особое положение. Будучи эмпирической наукой, его материал, хотя и получен при помощи органов чувств, но является, однако, продуктом бессознательного, в то время как связывание всего этого материала в единое целое также происходит при посредстве бессознательного. Во-первых, в клинике, когда разрозненные слова, полученные в результате метода свободных ассоциаций, должны помочь «ухватить» бессознательное анализанда; во-вторых, когда отдельные случаи и опыт должны быть объединены до уровня всеобщих законов. В последнем случае это опять же происходит при посредстве фантазии, в основе которой лежат архетипические образования.

Другими словами, психоанализ – это наука, в которой сознание пытается понять бессознательное при помощи самого бессознательного.

Литература:

1. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант – М. : Философское наследие, 1994. – Т. 118. – 574 с.
2. Пуанкаре А. О науке // Ценность науки. Математические науки– М. : Наука, 1989. – С. 399 – 414.
3. Сухотин А. К. Парадоксы науки / А. К. Сухотин – М. : Молодая Гвардия, 1978. – 240 с.

Резюме. В статті формулюється проблема истоков научного познання в целом і глибинної психології в частности, а також предпринята попытка исследования этого вопроса методами психоанализа и аналитической психологии.

Ключевые слова: познання, глибинна психологія, психоаналіз.

Резюме. У статті формулюється проблема витоків наукового пізнання в цілому і глибинній психології зокрема, а також зроблена спроба дослідження цього питання методами психоаналізу і аналітичної психології.

Ключові слова: пізнання, глибинна психологія, психоаналіз.

© 2013

Л. В. Драгола (м. Ялта)

ВЗАЄМОЗВ'ЯЗОК МЕТАФОРИ З ОБРАЗОМ, СИМВОЛОМ ТА АРХЕТИПОМ

Постановка проблеми. У літературі досить широко вивчалися категорії метафори, образу, символу та архетипу, тим не менше недостатньо висвітленні взаємозв'язки між ними, що і визначило тему статті.

Мета статті: дослідити особливості взаємозв'язку метафори з образом, символом та архетипом.

Виклад основного матеріалу. Досліджуючи проблему метафоричності глибинного пізнання психічного, важливо враховувати спільні характеристики метафори з образом, символом та архетипом, а також єдність образу і слова, які складають невербальний та вербальний аспекти. В метафорі досвід особи може набувати символічного вираження в його полізначності, що вказує на її інтеграцію із символом. Проф. Н. Ф. Каліна стверджує, що «в психотерапії метафора – один з основних засобів структурування досвіду» [4]. «Терапевтичні властивості метафори зумовлені її семіотичними особливостями: злиттям образу і значення, контрастом із буденною назвою або позначенням суті предмета, категоріальним «зсувом», актуалізацією випадкових асоціацій, неможливістю буквального перефразовування, дифузністю значення, можливістю різноманітних інтерпретацій, апеляцією до уяви та інтуїції, а не до знання і логіки, вибором найкоротшого шляху до визначення сутності об'єкта» [там само, с. 155].

Аналіз літератури вказує, що метафоризація пов'язана з уявним планом утворення образів і смислів, які в буквальному розумінні не існують, вони контекстно та переносно символізують інші смисли, ніж це презентує метафоричний образ. Метафора залежить від індивідуального досвіду суб'єкта та імпліцитно виявляє його зміст, що потребує експлікування в діалогічній взаємодії з респондентом.

Однією з особливостей метафори, що робить її засобом впливу на особу, є здатність переведення складних і не завжди доступних розумінню понять (які потребують допоміжних пояснень) у більш прості і конкретні форми. Метафора дає змогу вийти за межі абстрактних матерій і перевести думку в чуттєву (емпіричну) форму, яка безпосередньо переживається суб'єктом.

Віднесення чого-небудь до розряду метафори означає сказати щось про значення, яке в ній приховане. Завдання теорії метафори – сформулювати правила переходу від буквального смислу до метафоричного (тобто переносного) і навпаки – відриваючись від метафоричного образу, перейти до прихованого його значення, що передбачає звуження його полізначності. Інакше кажучи, глибинне пізнання розкриває переносний (метафоричний) зміст в процесі діалогічної взаємодії з респондентом, інтерпретація якої сприяє проникненню в недосяжний від самого початку зміст.

Зупинимось детальніше на поняттях образу, символу та архетипу.

Слово «образ» в психологічному словнику (за редакцією В. І. Войтенка) пояснюється як: «результат суб'єктивного відображення людиною навколишньої дійсності, представлений в ідеальному плані. Спостерігається поєднання просторової організації, реальної структури і часової динаміки відображуваного явища» [9, с. 105]. В словнику по аналітичній психології ««образ» – контекст, в який закладено символ, як особистий, так і колективний» [3, с. 142]. З огляду на контекстність глибинного пізнання, без образного матеріалу воно було б неповноцінним.

В психологічній науці категорія образу є широковживаною. Вивчення образу має значення для теоретичних основ психології, теоретичних позицій спеціальних психологічних дисциплін та рішення практичних і прикладних задач сучасної психології.

Історичний шлях психологічного вивчення образу співпадає з історією зародження і розвитку психології як науки. Перші принципові позиції розгляду образу були закладені ще в античній філософії такими дослідниками як Платон, Аристотель, Августин, Хома Аквінській та ін. На науковому етапі розвитку психології категорія образу знаходиться в «просторі» наукової діяльності практично всіх основних психологічних напрямів (І. Кант, Бодлер, І. Г. Фіхте, Ф. В. Шеллінг, В. Вундт, Е. Тітченер та ін.) [17]. До вивчення проблематики образу звертались такі вітчизняні вчені-психологи як: С. Л. Рубінштейн, А. Н. Леонтьєв, П. Я. Гальперін, Б. Г. Ананьєв, Л. С. Виготський, В. П. Зінченко та ін..